

Надежда Панкова

ГНЕЗДО КАБАНА

ИСТОРИИ ИЗ ЗАПОВЕДНИКА

С иллюстрациями автора

УДК 591.5:599.731.11

ББК 28.693.36

П16

Редактор Анна Щелкунова

Панкова Н.

П16 Гнездо кабана: Истории из заповедника / Надежда Панкова. — М. : Альпина нон-фикшн, 2026. — 478 с. : ил.

ISBN 978-5-00223-894-1

Книга написана зоологом, для которой кабан — не просто объект исследования. Надежда Панкова много лет работает в Окском заповеднике, ходит по кабаньим тропам, «читает» жизнь вепрей по следам на снегу и видео с лесных фотоловушек. А еще у нее есть собственное маленькое стадо — три ручных кабана, чья повседневная жизнь открывает то, что в дикой природе увидеть почти невозможно.

На страницах этой книги полевые наблюдения и научные факты соединяются с живыми историями о заповеднике и людях, которые в нем работают. Вместе с автором читатель познакомится с заповедными кабанами — Лосенгим, Черной и другими. Узнает, как устроено кабанье сообщество, как эти животные общаются, растят поросят, делят пространство и еду, как проявляются их характеры и социальные роли внутри стада.

Это увлекательное, теплое и очень личное повествование о диких кабанах, заповеднике и привязанности ученого к «своему» виду.

Книга адресована широкому кругу читателей: любителям природы и заповедных историй, всем, кто интересуется поведением животных и современной полевой биологией.

УДК 591.5:599.731.11

ББК 28.693.36

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в интернете и в корпоративных сетях, а также запись в память ЭВМ для частного или публичного использования, без письменного разрешения владельца авторских прав. По вопросу организации доступа к электронной библиотеке издательства обращайтесь по адресу mylib@alpina.ru

ISBN 978-5-00223-894-1

© Панкова Надежда, 2026

© ООО «Альпина нон-фикшн», 2026

Содержание

Кабан и его зоолог
Вместо предисловия
6

Заповедная прописка
36

Инженер, агроном и авантюрист
57

Вепревы дети: кабаны крупным планом
88

Кабан организует пространство
113

Как посчитать кабанов
140

Фотоловушка на кабана
159

Кабаны и их информация
187

По следам секача Лосенногого
219

Фекалии, ловушки или фотоловушки?
245

Знать кабана в лицо
253

Блеск и нищета кабанихи Черной

271

Между хищником и жертвой

303

Пегая — царица болот

324

Голодная зима

339

Хрюня: спасательная операция

349

Хрюня: укрощение дикого подсвинка

369

Хрюня: дневник кабаньего санатория

392

Борьба кабанихи Элеоноры

417

Тяготы лета

430

Кабан как личность

445

Кабаны и мы

463

Примечания

474

Самое строгое объективное описание либо изображение животного или растения все-таки отступает от истины в одном решающем отношении, если оно не делает очевидной красоту этого живого организма. <...> Мы не должны допускать ни малейшего отступления от реальности только потому, что нас на это толкает эстетическое чувство. Но, с другой стороны, наше изображение не будет совершенно точно соответствовать реальности, если оно одновременно не выразит красоты, присущей оригиналу¹.

К. ЛОРЕНЦ. ГОД СЕРОГО ГУСЯ

Кабан и его зоолог

Вместо предисловия

По кабаньим следам

Я иду по кабаньим следам на снегу. Страшно подумать, сколько я уже тропила* этих копытных за то время, что их изучаю. Я ходила за ними в сограх и кедрачах Западной Сибири, но больше всего — в дубравах, сосняках, тростниках и ивняках юго-восточной части Мещёры. Именно здесь расположен Окский заповедник, в котором я работаю уже много лет.

Следы уводят меня в густой ивняк, где легко и удобно идти кабану, но не человеку. Ветки хлещут меня по лицу, потому что оно расположено на их уровне и к тому же плоское и голое. И глаза у меня беззащитные — того и гляди веткой выколет. Не то что у кабанов: впереди длинное коническое рыло, а маленькие глазки расположены так, что в них ничего не попадет. А если и попадет — не велика беда, потому что глазное яблоко втягивается, соприкоснувшись с посторонними предметами. Такое специальное приспособление для жизни в густых зарослях. Кабан в ивняке, тростнике или березовой чапье — как рыба в воде. Недаром А. А. Слудский писал, что форма тела у кабана «лещеватая»¹ — то есть уплощенная с боков, как у леща. Мохнатыми ловкими рыбами лавируют кабаны в зарослях. А я — за ними.

Так я ходила по Окскому заповеднику за секачом, которого назвала Лосеногий за широкий, почти лосиный шаг. Он милостиво разрешал мне идти по его следам. Это был взрослый, клыкастый и необычайно статный самец, бегав-

.....

* Тропить — здесь: идти по следам животных, чтобы наблюдать за ними, изучать их поведение и ставить фотоловушки.

ший по всему заповеднику по своим секачиным делам. Пока не закончился гон, в день он мог пройти километров 15, чтобы пометить деревья на своей территории и пообщаться с живущими далеко друг от друга знакомыми самками. Например, с кабанихой, которую я назвала Черной за темную, по сравнению с ее детьми, окраску. Я ходила за Лосеногим, пока он занимался своими амурными делами, потому что изучала маркировочное поведение кабанов. Кабан просто жил свою жизнь, а я документировала каждый его шаг, каждое действие. Конечно, не за одним только Лосеногим я ходила. В базе данных у меня есть тропления секачей Горбатого, Чемодана, юного самца (подсвинка) Катыша, Натуралиста, самок Черной, Пегой и Элеоноры и других моих кабанов. А также многих и многих безымянных вепрей, неизвестно откуда появляющихся в заповеднике, а потом исчезающих за его пределами.

Предчувствую вопрос: как я узнаю и различаю своих кабанов? Для этого у меня есть развешанные в лесу фотоловушки — камеры с датчиками движения, работающие в режиме «фото» и «видео». Фотоловушки распределены по лесу не как попало. Я устанавливаю их возле кабаньих деревьев-чесалок, или, как их еще называют, сигнальных (маркировочных) деревьев. Зайдя почесаться о дерево, кабан попадает в поле зрения фотоловушки. Камера делает снимок и отправляет его через интернет мне, а затем записывает минутный ролик, который я просмотрю позже и узнаю подробности посещения кабаном дерева-чесалки.

Изучение поведения кабанов — моя страсть. Основная же моя обязанность в заповеднике как териолога — мониторинг популяции кабанов (а также и некоторых прочих крупных млекопитающих). Но сейчас речь пойдет именно о кабанах. Идеально, если я буду знать в лицо (рыло) каждого секача и подсвинка из всех кабаньих стад. От меня требуется ежегодно определять численность кабанов в заповеднике, их распределение по территории, возрастной и половой состав по-

пуляции, стадность (среднее число особей в группе), размер выводков, общую смертность и сохранность молодняка — те параметры, по которым можно судить о благополучии кабанов. Для этого я использую метод зимних троплений и анализ данных с фотоловушек.

В Окском заповеднике популяция кабанов находится под контролем исследователей более 70 лет, с момента возвращения этих копытных в юго-восточную часть Мещёры, где они были истреблены людьми еще в XVIII в. Изучали кабанов разными методами. Это и классические тропления по снегу, и отлов и мечение ушными метками, и научный отстрел. А сейчас пришло время максимально щадящих методов — таких как, например, фотоловушки, позволяющие получить много интересного материала без серьезного вмешательства в жизнь зверей.

Интересно и даже почетно принять свою научную тему из рук предшественника, встроиться в ряд «кабанологов» Окского заповедника. Секач Лосеногий идет чесаться о толстенную сосну, кора которой снизу ободрана, а луб отполирован кабаньими боками. Вот она — преемственность в жизни кабанов: об это дерево чесались многие поколения вепрей. Я отмечаю местоположение сосны-чесалки в навигаторе, а потом, дома, смотрю карту с чесалками, составленную лет 40 назад моим предшественником. И нахожу на ней ту самую сосну. Это преемственность, отличающая научную работу в заповедниках. Да, зачастую мы, сотрудники заповедника, не имеем доступа к новейшему дорогостоящему оборудованию, но наши работы ценны длинными рядами данных.

Однако, осознавая всю важность работ по мониторингу состояния кабаньей популяции, я больше люблю этологические исследования. Мне всегда было интересно, как живет отдельно взятый зверь, да хоть тот же Лосеногий. Как проходит день кабана? Зачем он развешивает на кустах слюну, взбитую в пену, и трется о деревья? О чем он думает (и думает ли

вообще), когда идет по моим следам до дороги, а потом возвращается обратно? Что заставляет кабана менять направление движения, от чего зависит форма трека его суточного хода? Как он видит этот мир? Как это вообще — быть кабаном?

Множество вопросов в моей голове, когда я иду по следу секача. А еще больше их у меня к кабаньему стаду, ведь это не простая группа ничем не связанных особей, а сложное сообщество с системой соподчинения и социальными ролями...

Пригласить бы кабанов как-нибудь к себе на кофе (желудевый, конечно) и обо всем подробно расспросить. Но, увы, такое может случиться разве что во сне, а наяву знания добираются совсем другими методами.

Итак, я иду через ивняк по следам кабанов. Я нагибаюсь, и мокрый снег сыплется за шиворот. Мне кажется, что через этот ивняк я иду целую вечность, будто я вовсе никогда не выбиралась из него. Ведь все мешёрские ивняки похожи друг на друга — серые, густые, неприятные. И вдруг впереди слышится взволнованное хрюканье. Да, именно так я называю этот kloкочущий звонкий звук, который издает кабан, приоткрывая пасть.

Сквозь кустарник ко мне бежит молодой рыжий кабан Руфус! К этому невозможно привыкнуть. Я слишком отстала, и он прибежал меня проведать. Ободренная его появлением, я пошла быстрее и скоро обнаружила и остальных своих кабанов — Фрею и Фанечку, роющихся в черном низинном торфе.

Если Лосеного, Черную, Пегую и прочих диких заповедных кабанов, бывших у меня под наблюдением несколько лет подряд, я могу назвать «моими» только в кавычках, то Руфус, Фрея и Фанечка — мои кабаны безо всяких кавычек. К нам с мужем они попали трехмесячными сиротками, и мы вырастили из них веселых упитанных подвинков. Судьба этих ручных кабанов — служить науке и зоологическому просвещению людей.

Мой супруг Алексей работает в заповеднике заместителем директора и сейчас много времени посвящает возне с бума-

гами. Но изначально он был зоологом и занимался изучением бобров. Жизнь нашей семьи в заповеднике никогда не была скучной и слишком уж обычной. Однако мы и представить себе не могли, какой бездонный мир откроют для нас три маленьких вепря в обмен на нашу решимость взять их под свою опеку и обеспечить им максимально естественный образ жизни.

Книга про кабанов

О диких кабанах я готова говорить бесконечно, будь то формат лекции, доклада на конференции, экскурсии или застольной беседы. Я знаю много научных фактов об этих животных, не укладывающихся в привычный для многих образ вепря. Но еще больше в моем арсенале рассказов, почерпнутых не из литературы, а из моей собственной жизни рядом с кабанями.

Уже около 20 лет я рассказываю и пишу о животных, с которыми меня свела работа в Окском заповеднике. В 2025 г. вышла в свет моя детская книжка «Про кабанов, бобров и выхухоль»², написанная в документально-художественном стиле. К моему большому удивлению, она стала лауреатом премии «Просветитель».

Но почему-то задача объединить множество заметок в научно-популярную книгу, целиком посвященную моим любимым животным, диким кабанам, оказалась очень непростой и затянулась на много лет.

Однажды меня спросили, чем мне так нравятся кабаны, что я связала свою жизнь с ними, а не с лосями, волками или бобрами. «О, об этом я могу написать целую книгу!» — воскликнула я.

На следующий день я подумала, что именно об этом она и должна быть. Уже много лет, как я пишу книгу о кабанах. Начала я ее еще в первые годы работы в Окском за-

поведнике. Радость от погружения в природу настолько меня захлестнула, что я не могла молчать. После довольно унылых лет студенчества в городе Москве я наконец-то оказалась внутри своей мечты. Мечта моя многим людям показалась бы кошмаром, но я лелеяла ее с ранней юности. Помню, как в школе на перемене мы с одноклассницей в едином порыве мечтали уехать из Москвы. Нам не нравились серость, скука и обыденность. Нас, юных романтиков, влекли мечты. Но ее мечта влекла в Германию, к готическим соборам и богатым магазинам. А меня — в российскую глубинку, в заповедник, на лесной кордон.

Итак, моя заповедная мечта исполнилась, как только я получила диплом о высшем образовании. Я устроилась работать в Окский заповедник на должность младшего научного сотрудника, на такую мизерную зарплату, что моя одноклассница, мечтавшая о Европе, закатила бы глаза. Теперь мое единение с природой не было ограничено каникулами и экспедициями, и я ринулась восполнять потерянное время (как говорили мы, будучи юннатами биологического кружка, «день, проведенный в городе, — потерянный день»).

Моим любимым местом в заповеднике стал кордон Липовая гора. Там я познакомилась с Большим Липовогорским Секачом — могучим и каким-то полумифическим вепрем. Глаза этого хозяина кудрявой пойменной дубравы (рассмотренные мной в бинокль) были карими, как омут реки Пры. И сам он казался мне похожим на Пру, которая в межень тихо и мирно шелестела темными водами по песчаному дну, а ко времени половодья наливалась мощью, теряла берега, становилась дикой и яростной, будто вепрь во время гона. Ее бешеные струи рыли песчаные берега и роняли вековые дубы, в водоворотах кружились прошлогодние желуди и дубовые листья. А потом река затихала, отступала, возвращалась в русло. И обновленная пойменная дубрава, удобренная речным илом, зеленела, сгущалась и наполнялась птичьим пением. Тогда на пригорках посреди поймы, в гнездах из шиповниковых веток по-

являлись на свет многочисленные полосатые дети Большого Липовогорского Секача.

Моя первая книжка про кабанов носила рабочее название «Царь дубравы» и была странного свойства. В ней громоздились друг на друга впечатления от росистых рассветов, древних староречий и таинственной жизни вепрей в залитой водой весенней пойме, гуще летней дубравы, осеннем тростнике и зимнем сумраке. По отзывам, в этом тексте было много поэзии и радости жизни, но мало фактов и полностью отсутствовал сюжет. Неудивительно, что дальше публикаций ее фрагментов в «Живом журнале» дело не пошло.

Прошли годы. Я защитила диссертацию, набралась реального полевого опыта и научных знаний и снова взялась писать книгу о кабанах. На этот раз в ней были и рассказы о моей работе с дикими вепрями в заповеднике, и немало занимательной научной информации. Не было только цельности и ясности формата. Описывая то, что интересно мне, я совсем не думала о своем читателе. Кто он? Что я хочу ему поведать?

В мучительных попытках создать цельное по формату произведение я тасовала его фрагменты в разном порядке, придумывала логичную структуру. Но то проседало начало, то выбивалась середина, то непонятно, что было делать с концом. Сбивался ритм, никак не находилась нужная тональность. Вместо того чтобы стройно течь в едином русле, текст разбивался на множество рукавов и зарастал ненужными подробностями. А время шло, менялись мои жизненные обстоятельства, менялась я сама. Неоднократно я говорила друзьям, что наконец-то книга вышла на финишную прямую, а потом перечитывала написанное и понимала, что это никуда не годится. Тем временем договор с издательством был подписан, сроки сдачи книги давно прошли, а я забраковала уже третий вариант своего текста.

От творческих мук меня спасали наши ручные кабанчики — Фрея, Руфус и Фанечка, требовавшие регу-

лярного выгула. Они обитают на огороженном электропастухом участке заросшего сосняком поля, на краю территории конно-туристического комплекса недалеко от Окского заповедника. Хотя кабанята и живут практически в лесу, они привыкли гулять с нами по ближайшим окрестностям и без прогулок начинают скучать. Конечно, я завела «вепревым детям» (так мы называем своих воспитанников) страничку в соцсетях, и довольно быстро у них появились поклонники. Многие подписчики захотели познакомиться с кабанятами лично и стали специально приезжать к нам в выходные, чтобы прогуляться по окрестностям деревни в компании кабанов. Если вкратце, тот так и появился наш проект «Прогулки с кабанями» — своеобразная интерактивная экскурсия, во время которой люди знакомятся с дружелюбными и хорошо социализированными кабанчиками в естественных условиях и слушают мои рассказы о том, как устроена жизнь диких вепрей.

Конечно, наши гости постоянно задают мне вопросы о кабанах, и, отвечая на них, я задействую свой опыт общения с этими животными, свои знания, полученные из литературы и во время исследований. И вопросы эти отлично помогают структурировать информацию в голове. Должно быть, количество перешло в качество. В голове сложился образ потенциального читателя и оформилось понимание того, что именно я хочу донести.

Близкая для меня метафора природы — огромная, со Вселенную размером книга. Люди изучают ее веками, но так и не могут до конца перевести на свой язык. Каждый человек, наделенный свойствами исследователя, занимается изучением и переводом той части книги природы, которая ближе и притягательнее для него. Отведенная мне строчка в книге природы посвящена кабану — одному из великого множества видов земных существ.

Мне представляется, что Бог, создавая животных (неважно, каким именно способом), заложил в них своего рода послания для нас — людей. Каждый вид может чему-то на-

учить, показать нам нечто важное. Конрад Лоренц писал, что людей в животных привлекает некая свойственная им гармония и красота. И я с ним согласна.

Итак, мои читатели, я приглашаю вас в путешествие по миру кабанов Окского заповедника. Нашими проводниками в мир диких вепрей будут «мои» кабаны, изучением которых я занимаюсь в заповеднике, а также мое маленькое ручное стадо — Фрея, Руфус и Фанечка. Мы с вами пройдем по кабаньим тропам, заглянем в кабанье гнездо, узнаем, как устроено сообщество вепрей, как они общаются между собой, что едят и как проходит их день. И даже попробуем посмотреть на мир глазами дикого кабана. В этой книге вы найдете немало историй из жизни кабанов и их исследователей, полевые зарисовки из заповедника и интересные научные факты. И если по прочтении книги вы тоже проникнетесь красотой этого удивительного вида животных, я буду считать, что достигла своей цели.

Очарованный зоолог

Среди биологов, внесших в науку действительно выдающийся вклад, наберется лишь горстка таких, кто посвятил жизнь избранному предмету не потому, что подпал под чары его красоты³.

К. Лоренц. Год серого гуся

Вопрос о том, почему один зоолог выбирает объектом своих исследований волка, другой — лося или мышь, действительно очень занимательный. Не все ученые имеют приверженность к какому-то определенному виду животных, некоторым важны не звери как таковые, а общие закономерности природы. Или же все звери им в равной степени симпатичны, а специализация произошла волей случая. Но порой исследователи имеют любимчиков среди представи-

телей фауны, и именно очарованность определенным видом животных дает толчок к научной карьере.

Для некоторых ученых работа с определенными видами (или группами видов) была настолько принципиально важна, что они упорно стремились туда, где эта мечта могла исполниться. Даже если ареалы обитания зоолога и его возделенного объекта исследования исходно не совпадали. Среди моих коллег есть очень яркие примеры таких пристрастий, приведших в том числе к отъезду из родной страны. Например, Соня Долотовская переехала из России в Германию, потому что хотела изучать обезьян, и только их одних. Обезьян в Германии нет, но зато там есть Немецкий приматологический центр в Гёттингене. Материалы для диссертации по медным прыгунам она собирала в джунглях перуанской Амазонии и блестяще защитилась в Гёттингене. А вот Хосе Антонио Эрнандес-Бланко уехал из Испании в Россию, чтобы изучать волков. Сейчас он работает старшим научным сотрудником в Институте проблем экологии и эволюции РАН и в заповеднике «Калужские засеки». Кстати, когда мы с ним встречаемся на научных конференциях и семинарах, он неизменно говорит мне: «Это хорошо, что вы занимаетесь кабанами. Люблю, когда изучают наших жертв». И улыбается обаятельно и немного хищно. Для него, как специалиста по крупным хищникам, кабаны — в первую очередь еда.

Я заметила, что на фуршетах и так называемых товарищеских ужинах, которые случаются после конференций, териологи, как правило, кучкуются по принципу интереса к какому-либо виду или группе видов зверей. Это происходит совершенно естественным образом. Вот, к примеру, «хищный» столик — там что-то горячо обсуждают волчатники и специалисты по тиграм и леопардам. А вот столик «бобровый» — боброведам тоже есть о чем поговорить. Отдельно держатся мышатники — специалисты по мышевидным грызунам. Свой круг у исследователей копытных животных, среди которых выделяются зубрятники, оленятники и мы, кабанологи. Конечно, зоолог, взяв свой бо-

кал, легко переходит от одного столика к другому. Также переходят исследователи от одного вида животных к другому, участвуя в различных проектах. Даже я, со своим давним интересом к кабанам, занималась в разное время бобрами, барсуками и медведями. Но, как уже было сказано, часто у зоологов есть какие-то любимые виды, играющие в их жизни особую роль.

Иногда, проходя свои маршруты по заповеднику, я встречаю Николая Васильевича Уварова, старого зоолога, который до меня занимался здесь изучением кабанов. Чаще всего его можно увидеть на берегах реки Пры — он ищет следы выдры. Николай Васильевич уже давно на пенсии, и никто не гонит его проводить учеты околотовных животных. Тропит выдру он, осуществляя мечту своей молодости. Только на пенсии зоолог смог уделить внимание зверю, который интересовал его больше всех других. Действительно, трудно не поддаваться обаянию речной выдры. Это веселое, энергичное, любопытное и игривое животное, с какой-то своей непростой социальной жизнью. Но, пока Николай Васильевич работал в заповеднике научным сотрудником, к выдрам он мог забегать только по выходным. Его основной работой были кабаны, затем в нагрузку к ним волки и бобры. О волках Николай Васильевич всегда отзывался очень тепло, а о кабанях — с некоторым пренебрежением: «Свиньи — они свиньи и есть». Кабанов он изучал 40 лет, но его сердце они не зацепили.

В предисловии к книге «Год серого гуся» классика этологии Конрада Лоренца я нашла следующие слова: «Среди биологов, внесших в науку действительно выдающийся вклад, наберется лишь горстка таких, кто посвятил жизнь избранному предмету не потому, что подпал под чары его красоты»⁴. Лоренц считал, что наш исследовательский интерес привлекает именно гармония, присущая живым существам. Можно много рассуждать о природе этой гармонии. Лично я считаю ее отпечатком рук Творца на своем творении, отблеском рая для тех, кто смотрит на природу внимательно и непредвзято.

Быть может, каждый человек имеет «рецепторы» к красоте особого рода, и потому одному нравится степь, а другому — тайга, одному — розы, а другому — лилии, одному — волки, а другому — вепри. Я убеждена, что каждый вид животных по-своему прекрасен. Некоторые из них (котики) нравятся почти всем людям, но есть создания (например, выхухоль), чью красоту могут увидеть только особо подготовленные ценители. Другой вопрос — как возникает эта чувствительность к прекрасному, что инициирует прозрение, когда с явления, предмета или существа вдруг спадает пелена обыденности.

Многие считают, что в этом бывает виновно сильное впечатление, полученное в детские годы. Например, увлечение Конрада Лоренца серыми гусями началось с того момента, как, шестилетним ребенком, он увидел стаю гусей, летящую над долиной Дуная. Великий зоолог, изучивший поведение многих видов, от галки до куторы, через всю свою долгую жизнь пронес восхищение именно этим видом птиц. Легендарный грузинский териолог Ясон Бадридзе, два года проживший в лесу с волками, рассказывал в интервью «Русскому репортеру» о своем детском опыте: «...мы пришли с отцом в лес — и услышали вой волка. И это было страшное впечатление, что-то потрясающее! Все в душе перевернуло. И до сих пор я, как вой слышу, какое-то волнение наступает, куда-то хочется бежать, трудно объяснить... С этого, судя по всему, все и началось. И когда вопрос встал ребром, чем заниматься, я выбрал их»⁵. Хосе Антонио Эрнандес-Бланко тоже в детстве ходил в походы — с другом семьи, который был хорошим натуралистом. Там, в горах Испании, он впервые услышал волчий вой и тоже поразился его красоте. Возможно, именно этот эпизод определил направление его научной карьеры.

А ихтиолог Никита Корнилов заинтересовался акулами после фильма «Челюсти». «Посмотрел его в пять лет, и вот результат: работаю с акулами, — рассказывает он в интервью Дмитрию Куркину. — Не испугался, как многие, кто видел этот фильм, а, наоборот, заинтересовался тем, что акулы со-

бой представляют в реальности. К тому же мне в этом фильме понравился персонаж ихтиолога»⁶.

Я долго вспоминала, откуда появилось мое увлечение кабанами, где была отправная точка. И наконец вспомнила!

Гнездо кабана

А все-таки почему именно кабаны? После публикации книги «Про кабанов, бобров и выхухолей» я снова и снова пытаюсь сформулировать ответ на этот вопрос.

К нам приехали гости из Питера, чтобы познакомиться с ручными кабанами Фреей, Руфусом и Фанечкой. Привезли кабачки и яблоки в качестве угощения. У нас были грецкие орехи, кукуруза в початках и желуди. Достаточно, чтобы устроить небольшое гастрономическое шоу.

Кабачки кабаны, как обычно, есть не стали, яблоки оставили на потом. Зато охотно продемонстрировали свои удивительные способности кушать аккуратно, умело, если не сказать виртуозно. Кабаны любят разрушать стереотипы. Например, стереотип о том, что они неразборчивы в еде и абсолютно всеядны.

Итак, начнем с грецких орехов. Кабан берет орех в пасть. Хрусть! — и скорлупка падает на землю. Питательное ядрышко проглатывается.

Этого уже достаточно, чтобы поразить неподготовленного зрителя. Но мы идем дальше: на очереди — желуди. Вопреки представлению о грубости кабанов, они настолько аристократичны, что не желают пропускать в желудок ничего несъедобного. Ловкое движение языка — и лаковая желудевая шкурка выплевывается на землю. Питательные (и, конечно, вкусные) семядоли отправляются в кабанью утробу.

У гостей засверкали глаза, они снимают кабанов на телефоны и готовы им аплодировать. А кабаны любят такое внимание. И желуди, конечно.

Ну и гвоздь программы — кукуруза. Изящно придерживая копытом початок, кабан обрывает листья, как оберточную бумагу. Добравшись до зерен, он поедает их, оставляя пустую кочерыжку.

За полтора года, что кабанята живут у нас, я обратила внимание: главная эмоция, которую демонстрируют люди, знакомясь с ними, — удивление.

Кабан — это зверь, будто бы созданный для того, чтобы вызывать удивление и разрушать стереотипы.

И моя любовь к кабану как к виду началась именно с удивления.

С детства я была юным исследователем природы. Мне не хватало просто любоваться, к примеру, темными тенями тритонов в мутном деревенском пруду. Их, тритонов, требовалось как минимум изловить и разглядеть вблизи, а лучше посадить в террариум и кормить дождевыми червями с пинцета.

Когда мне было лет восемь, я наловила в крапиве зеленых кузнечиков и поместила в просторную банку. Поскольку я, как и все дети, знала, что кузнечик «ест одну лишь травку», то обеспечила своим питомцам вегетарианскую диету. Однако что-то дернуло меня посадить к ним в банку бабочку-капустницу. Интуитивно сработало правило исследователя в отношении литературных источников: доверяй, но проверяй. И что же? Мои зеленые вегетарианцы зашевелили усами и метнулись за бабочкой. И вот белые крылышки падают на дно банки, а зеленые челюсти кузнечика жуют хитиновое тельце. Та же участь постигла мух и кобылок. Я была в восторге! Я решила, что совершила прорыв в энтомологии, опровергнув утверждение классика о кузнечике, что он «не трогал и козявку и с мухами дружил». К тому же вскоре выяснилось, что не все кузнечики зеленые и похожи на огуречики, есть виды с другой расцветкой. К счастью, мама, разглядев во мне натуралиста, стала приобретать книги по биологии. Оказалось, что казус с плотоядностью кузнечиков уже опи-

сал Фабр⁷, но это было ерундой в сравнении с тем миром, который начал мне открываться.

Потом, прочитав книжку про летучих мышей, я влюбилась в рукокрылых. Темными вечерами я одна, с распущенными светлыми волосами и марлевым сачком, обходила деревню, особенно задерживаясь возле заброшенных домов. «При чем тут распущенные волосы?» — спросите вы. Я рассчитывала на правдивость деревенского поверья, гласившего, что летучие мыши залетают в волосы простоволосым девочкам-блондинкам. Увы, ни одна летучая мышь не удостоила меня своим вниманием. Моя любовь была безответной.

Решив, что лягушка в руках лучше, чем летучая мышь в небе, я сосредоточила свое внимание на земноводных и рептилиях. Дома у меня жили жабы, несколько видов тритонов, черепаха, шпорцевые лягушки. Еще я мечтала о восхитительно зеленой квакше с присосками на пальцах, но мечта моя так и не сбылась. Помимо этого, были рыбки и некоторое количество наземных и водных насекомых. Летом я пыталась создать в террариуме самоподдерживающуюся экосистему. Хотя меня никто этому не учил, я старательно вела дневники наблюдений, чертила графики и подводила итоги.

В 14 лет меня отправили в знаменитый кружок «ВООП»* при Дарвиновском музее, и увлечение природой перешло на новый уровень. Я стала настоящей юннаткой — в тельняшке и кедах. Теперь почти каждые выходные и все каникулы я проводила вне дома — мы ездили на выезды и в экспедиции по всей России. Занимались у нас в кружке орнитологией и геоботаникой под руководством Екатерины Сергеевны Преображенской. Те животные, что не относились к птицам, становились объектами исследований ребят из конкурирующей организации — КЮБЗа (Кружка юных биологов Московского зоопарка). Страсть моя к насекомым

* ВООП — Всероссийское общество охраны природы; биологический кружок при Дарвиновском музее исторически сотрудничал с этой организацией. — *Прим. ред.*

и голым гадам к тому времени утихла, и было уже не так важно, какую именно часть природы исследовать — передо мной открылся большой мир. Москва и Подмосковье расступились, я увидела реки и горы, широколиственные леса и тайгу, а еще море — Черное и Белое. Над головой у меня серебряным ковшом зажглась Большая Медведица.

С зимними учетами птиц по программе «Parus» мы, юннаты разных возрастов, с биноклями и широкими лесными лыжами, объехали множество заповедников. А летом не меньше месяца обычно проводили на таежной биостанции в Костромской области, на моей любимой реке Унже. Это были так называемые геоботанические школы, на которых старшие кружковцы (уже студенты и выше) учили младших (школьников) методикам полевых геоботанических исследований. Мы картировали лесные площадки, копали почвенные разрезы, делали геоботанические описания, а по ночам компаниями гуляли босиком по пустынному шоссе, теплому на ощупь.

Лазая по лесной пойме реки Унжи, я открыла для себя озера-старницы, такие разные и такие таинственные. В их глубокой воде что-то росло — никто из наших ботаников особенно этим не интересовался. На следующий год мы с подружкой Ленкой М. привезли тяжеленную байдарку, чтобы обследовать водоемы на предмет растительности. Так я и пришла в гидробиотанику — науку о растениях водоемов. Привели меня в нее очарованность речной поймой и какая-то глубинная любовь к воде, в которой я всегда себя чувствовала как дома.

Кстати, там, на берегах Унжи, началась история наших отношений с будущим мужем (отцом моей дочери и верным спутником в делах изучения природы). Когда мы только познакомились, я была школьницей, а Лёша Панков — студентом педагогического института и младшим руководителем нашего кружка. Мы поженились, когда я училась на втором курсе университета.

Как в детстве, так и в ранней юности кабаны, медведи и лоси меня, как таковые, не интересовали. Мир был населен

множеством небольших существ — от насекомых до птиц, а крупные звери со своей непростой жизнью скрывались где-то за горизонтом моего внимания. Незримые, они ходили в темноте, пыхтели, оставляли следы. Впрочем, старшие кружковцы и руководители рассказывали нам байки о встречах с дикими зверями и проводили инструктажи по технике безопасности. Кабан был опасен почти как медведь, и встретить его в лесу мы одновременно боялись и желали, ведь это такое приключение!

Наверное, своим поворотом в сторону больших мохнатых зверей я обязана дружбой с Ленкой М., которая сейчас работает учителем биологии в одной из продвинутых московских школ, а в те годы была такой же юннаткой-старшеклассницей, как и я. Ее интересовали следы животных, их метки, погрызы, жилища и сама их скрытная тихая жизнь. Мы с Ленкой много времени проводили в странствиях по лесам, и волей-неволей я тоже стала обращать внимание на млекопитающих и даже что-то о них читать. Во время одной из наших зимних поездок в заповедник «Брянский лес» мы, проводя учет птиц, нашли в лесу кабанье гнездо. Это потрясающее сооружение мы оценили по достоинству, когда залезли в него с ногами, чтобы съесть бутерброды с колбасой и выпить чай из термоса. Сосновая хвоя благоухала, сидеть было мягко и уютно. Невроятным казалось, что такое гнездо построили копытные животные, но следы не оставляли сомнений. Кабаны ободрали тонкие ветки и хвою с упавшей сосны и сложили в виде пухлого и рыхлого птичьего гнезда, только очень большого. Судя по следам, работало над этим сооружением и ночевало в нем целое стадо. Есть бутерброды в кабаньем гнезде было весело и немножко страшно. Вдруг кабаны вернуться? Как они отнесутся к такой нашей наглости? Но кабаны не вернулись, и мы, оставив им шкурку от копченой колбасы, пошли дальше.

Потом мы долго вспоминали то гнездо и смеялись, представляя, как кабаны его строили, имея из инструментов только копыта и рыло.

Это кабанье гнездо в «Брянском лесу» и есть отправная точка моего пути к вепрям. Они стали мне удивительны, интересны и симпатичны. И чем больше я узнавала о них, тем глубже убеждалась в первом впечатлении.

Ведь если разобраться, то кабан — это какой-то сплошной оксюморон:

- копытное, которое строит гнезда,
 - жертва крупных хищников (волк, тигр), которая сама бывает хищником,
 - холодолюбивый южанин,
 - брутальный сибарит,
 - общительный отшельник,
 - агрессор и нежнейшая мать,
 - аскетичный чревоугодник,
 - чистюля, принимающий грязевые ванны,
 - благородная дичь и нечистая свинья,
 - грубиян с привычками аристократа.
- И так далее, и так далее...

Кабан в библиотеке

— *Зачем вепрю клыки?*

— *Чтобы поднимать на них земной шар.*

Что дикий кабан, вепрь, очень нравится мне как биологический вид, феномен и потенциальный объект исследования, я поняла не сразу, а только на пятом курсе университета, когда моя судьба, по сути, была уже решена. Я тогда писала диплом по теме «Динамика растительности водоемов Окского заповедника». В заповеднике я два года как проходила практику и собиралась устроиться туда работать и продолжать исследование для кандидатской диссертации.

Может быть, жизнь сложилась бы иначе, если б в годы учебы среди моих знакомых биологов был хоть один терио-

лог, изучающий поведение животных. Но я тесно общалась с ботаниками и орнитологами, а все териологи, о которых я слышала, занимались тем, что «резали мышей».

Резать мышей и кого бы то ни было я отказывалась категорически, потому решила, что териология — это не мое. Чтобы никого не резать, я решила стать экологом, имея в виду классическое определение экологии как науки о взаимоотношениях организмов между собой и с окружающей средой. И поступила на экологический факультет Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы (по-нарожному, Лумумбарий).

Несмотря на то что мой интерес к крупным млекопитающим, и кабану в частности, становился все очевиднее, предубеждение против териологов, обгаренных кровью невинно убиенных мышей, сыграло роль в моей специализации. Я решила изучать растительность водоемов и уже на первом курсе занялась научной работой.

В последний год учебы в университете мы, студенты-дипломники, много времени проводили в библиотеке. Заказав литературу по теме, я шла в читальный зал и брала там одну из книг, бывших в открытом доступе, чтобы скоротать ожидание. Как-то раз глаза остановились на внушительном кабаньем рыле, красовавшемся на обложке книги «Свинные» А. А. Данилкина⁸. Кабан на обложке был мохнат, клыкаст и харизматичен. Собственно, ему, кабану *Sus scrofa*, единственному дикому представителю семейства свинных на территории России, и была посвящена практически вся книга.

В семействе свинных сейчас насчитывают 6 родов и 18 видов (если не считать за отдельный вид домашнюю свинью), каждый из которых прекрасен. Но наш дикий кабан — самый успешный из своих родственников. У него огромный естественный ареал — почти вся Евразия. Этот дивный зверь южного происхождения (как и прочие свинные) умудрился расселиться от тропических лесов до северной тайги и лесотундры. В Галилее он бродит по берегам Генисарет-

ского озера с гиенами и шакалами, в Индии убегает от тигров, в Западной Европе расхаживает по городским паркам, в европейской и сибирской тайге делит территорию с медведями.

Каждый представитель семейства свиных в чем-то «самый». Бородатая свинья — самая бородатая, а кистеухая — самая яркая. Бабирусса — самая странная, а бородавочник — самый знаменитый благодаря мультфильму «Король Лев». Поразительно, но стоит мне опубликовать в соцсетях фото нашего обычного кабана, как кто-нибудь обязательно поделится в комментариях радостным узнаванием: «Пумба», «Акуна матата!». Нет, друзья, мимо. Пумба — бородавочник, и он, в отличие от нашего кабана, роет норы своим плоским, как лопата, рылом, питается растительностью и не носит шубу из щетины и подпуши.

Итак, я зачиталась книгой, обобщающей знания о диком кабане, и забыла про заказанные материалы по гидроботанике. Зачиталась и пропала.

Диплом я защитила на отлично, но, благодаря читальному залу и лично А. А. Данилкину, мой зародившийся интерес к крупным зверям перерос в настоящую страсть. А из крупных млекопитающих я особо выделяла не волка, не медведя, не рысь и не лося — а кабана.

Образ кабана харизматичен, но весьма непрост. Однажды мне стало интересно, как он осмысливался мировой культурой. Поделюсь своими скромными изысканиями.

Секач — взрослый самец кабана — изначально вызывал у человека смесь страха и восхищения, потому что очень уж он могуч и клыкаст.

В древнеиндийской космологии вепрь Вараха (одна из аватар бога Вишну) поднял на клыках Землю, утопавшую в мировых водах. Такое безобидное и благое употребление устрашающих клыков кабанам приписывали не часто. Правда, еще в мифологии балтийских славян был огромный вепрь, который, сверкая клыками для пущей убедительности, выныривал из моря возле древнего города Ретра. Так он предупреждал жителей города о грозящей беде.

Голова секача украшала шлемы воинов, поскольку сам секач — успешнейший воин. Многие герои античной мифологии в какой-то момент сражались с вепрем, потому что вепрь — достойный соперник.

Вепрь, живущий в тени дубрав и тростниковых зарослей, сакрален. Он поедает желуди — сакральные плоды сакрального дерева кельтов. Вепрь был символом друидов — древних кельтских жрецов. Мифологический Мерлин, превращаясь в вепря, бродил по Броселиандскому лесу (ведь в лесу, особенно дубовом, удобнее всего бродить именно вепрю).

Не зазорно людям было и вести свой род от вепря. Есть информация, что до обращения в ислам киргизы верили, будто произошли от вепрей, поэтому не ели кабанину (после обращения по понятным причинам не ели тоже). В бурятской мифологии предки этого народа, спустившись с небес, были вскормлены дородной веприцей. В Китае кабан служил эмблемой таинственного народа мяо.

Вепрь достоин того, чтобы быть спутником богов: греческого Ареса, римского Марса, германского Водана, скандинавского Фрейра, японского Хатимана. Другие боги сами не брезговали принимать облик вепря: египетский Сет, галльский Моккус, покровитель охоты (он же — бог кабанов).

Кстати, о принадлежащем Фрейру волшебном ездовом вепре по кличке Гуллинбурсти, что значит «Золотая щетинка». Он никогда не был маленьким и полосатым, потому что, согласно «Младшей Эдде», его выковали гномы уже сразу взрослым секачом. Щетина вепря светилась в темноте золотым светом, он мог передвигаться не только по земле, но также по воде и по воздуху и был лучше любого коня. У вепря имелось и второе имя, в переводе с древнескандинавского означавшее «Острозубый» и как бы служившее намеком на его небезопасность. Правда, пишут, что Фрейр был мирным богом плодородия, процветания и мужской силы, дарителем солнечного света, ясной погоды и доброго урожая. Вероятно, Гуллинбурсти носил свои острые клыки

только как украшение. Зато сиять золотой щетиной на весь мир он мог, как самый настоящий солярный символ. Солнце светит, но и обжечь может, если что.

У Фрейра была сестра-близнец Фрейя. И поскольку близнецам часто нравится одинаковое, она тоже завела себе ездового кабана, дав ему кличку Хильдисвини.

При всей своей сакральности вепри порой противостояли людям и божествам, и тут их мощь и воинственность внушали ужас. Кстати, если божество хотело кого-то убить или сильно поранить, то могло превратиться в вепря (или наслать вепря), как это сделал Арес, чтобы разделаться с Адонисом. А у кельтов, которые были как-то особо вепрелюбивы, есть интересная легенда про Турх Труйта из Ирландии — вредного и упрямого вепря и его семерых мохнорылых детей. Секач Турх Труйт носил между ушами волшебные гребень, бритву и ножницы. Они очень были нужны королю Артуру, и вепрь согласился бы лучше положить на поле брани все свое стадо, чем эти вещицы отдать.

В христианской культуре образ вепря имеет скорее отрицательную коннотацию, идущую еще из Ветхого Завета. Из-за своей манеры раскапывать виноградники и пожирать грозди в 79-м псалме Давида он стал символом врага народа израильского — Навуходносора (по другим толкованиям — Асура, а то и самого дьявола). Вепрь увековечен в Псалтыри, и слова о нем читаются в православных храмах на богослужениях: «Озоба и вепрь от дубравы, и уединенный дивий пояде и» (Пс. 79:14). «Озоба и вепрь» можно перевести с церковнославянского как «изрыл их вепрь», а «уединенный дивий» — это секач, матерый самец кабана, живущий отдельно от стада.

Я хожу в православную церковь и очень люблю Псалтырь, но за вепря обидно. Однако, на радость себе, я нашла подтверждения тому, что кабаны вовсе не были полностью отвержены христианской традицией. Например, монахи Афона не брезговали общаться с ними. С кабанами (секачами и даже

целыми стадами) дружили старцы Хаджи-Георгий и Паисий Святогорец. А святитель Василий Великий, по преданию, благословил поросенка, после чего стал считаться в народе покровителем свиней (и свиноводов).

Заповедник

В Окский заповедник я приехала сначала как ботаник, а мой муж — как зоолог. Я должна была продолжить изучать растительность водоемов, которых в заповеднике бесчисленное множество — на любой вкус. Древние ледниковые озера среди ольховых болот, заросшие старицы Оки в заливных лугах, небольшие темноводные староречья Пры с таинственными названиями — Глушица, Сундрица, Толпега.

А мужу моему назначили тему «Мониторинг популяции бобра в Окском заповеднике», хотя до этого он специализировался на орнитологии. Однако по традиции работа в заповеднике часто — дело семейное. Даже имея разные темы, муж и жена помогают друг другу собирать данные, а потом обрабатывать их и часто бывают соавторами статей.

Скоро и мы с Лёшей стали работать вместе. Тем более что в Окском заповеднике почти в каждом водоеме по бобровой семье, и бобры едят ту самую растительность, которую я изучала. До сих пор (а прошло уже много лет) мы вместе с мужем проводим осенние учеты численности речного бобра, продолжая работу наших предшественников. Наблюдения за этими зверями ведутся у нас с 1937 г., с тех пор как из Воронежского заповедника завезли первых переселенцев взамен истребленных еще в XVII в. местных бобров. Про бобров и боброведов Окского заповедника можно подробнее прочитать в моей книге «Бобровый кордон»⁹.

Кабан же долго оставался моей тайной мечтой, моей зазнойбой. Во-первых, все дружно уговаривали меня

добрать немножко материала для диссертации и скорее защититься. «А там уж делай что хочешь», — говорили мне. Во-вторых, кабанями в заповеднике занимался настоящий матерый зоолог-охотовед Николай Васильевич Уваров, который ездил на «Буране», тропил вепрей по следам и знал чуть ли не каждое кабанье стадо «в лицо».

Что значит «заниматься» в заповеднике кабанями, бобрами или волками?

Заповедник — особый мир. Это не научный институт и не университет. Работа в заповеднике имеет специфику, неочевидную человеку со стороны. Особенно в таком заповеднике, как Окский, — с богатой историей, хорошо укомплектованным научным отделом и с центральной усадьбой в сосновом лесу на берегу реки Пры.

«Ах, если б знали, из какого сора» растут блестящие диссертации и статьи сотрудников и одновременно обитателей заповедников. Некоторые коллеги из институтов и университетов на конференциях удивляются, как мы умудряемся работать круглый год в практически полевых условиях за неправдоподобно низкую зарплату.

Есть заповедники, конторы которых находятся в городах, и сотрудники выезжают на территории в экспедиционном порядке, а потом возвращаются в свои городские квартиры. Но у нас не так — мы живем и работаем в маленьком поселке Брыкин Бор. Старые, большей частью деревянные дома отапливаются дровами, и кто бы ты ни был — кандидат или доктор наук, — ты идешь колоть, носить, складывать дрова. Легкие и быстро сгорающие сосновые; красным горячим пламенем горящие дубовые; оранжевые, как зубы бобра, ольховые дрова, кем-то за красоту, должно быть, названные царскими. Научная работа переплетается с сельским и лесным бытом, и жизнь ощущается очень густой и настоящей. Вот лисица подкопала директорский курятник и таскает кур (мы узнали об этом благодаря фотоловушке). Возле метео-